

женіе и благодать, мы, когда посвящаемся, чрезъ освященныхъ отъ Него (Христа) по преемству получаемъ благодать, и источникъ благодати для насъ — Христосъ, который именно и дѣйствуетъ вся во всѣхъ.

Клир. Какимъ же образомъ архіерей, будучи монахомъ и часто участвуя въ причащеніи, получаетъ только семь священнодѣйствій?

Арх. Причащеніе предлагается всѣмъ вѣрнымъ и собственно бываетъ не для архіерея, но для того, чтобы священнодѣйствуемо было самое всесвятое тѣло и кровь Христа, которыя преподаются въ причащеніе всѣмъ вѣрнымъ. И оно само въ себѣ есть (священнодѣйствіе) единственное, конецъ всѣхъ священнодѣйствій, преподаваемое только для причастія. Монашескій же образъ есть образъ, свойственный покаянію; онъ очищаетъ падшаго, или возвышаетъ преуспѣвающаго (въ добродѣтели), но не посвящаетъ во священника. Поэтому и епископы поставлялись и безъ (монашескаго) образа, и монахи, не ведущіе приличной жизни, не могутъ достигнуть священства. Видишь ли благочиніе Церкви?

Клир. И это поняли мы. Наконецъ, владыка, научи насъ и тому, что затѣмъ слѣдуетъ. Ибо, при злѣдованіяхъ, въ насъ возникаетъ какая-то потребность знанія.

О священной литургіи.

Арх. Благодарю тебя, братъ. Ибо ради васъ и самъ я, будучи побуждаемъ къ сему, узнаю кое что изъ (вещей) нужныхъ. Въ чемъ и не

стыжусь признаться. Итакъ, ради васъ и ради себя самого я поговорю и еще, но мѣръ силъ. Теперь слѣдовало бы предложить ученіе о страшномъ и божественномъ священнодѣйствіи (литургіи): въ такомъ порядкѣ излагаетъ это и великій Діонисій, говоря послѣ таинства божественнѣйшаго мѣра о семъ (священнодѣйствіи) Однакожь пусть никто не подозрѣваетъ насъ въ излишнемъ дерзновеніи и не обвиняетъ насъ въ гордости за то, что мы покушаемся говорить о вещахъ такой великой важности, которыя изъяснили апостольскіе и божественные мужи,—мужи, вознесенные прѣвыше небесъ и посвященные въ неизреченныя тайны Божіи. Итакъ не для того, чтобы сказать что нибудь больше (сказаннаго),—нѣтъ, избави насъ Богъ отъ такого неразумія, или—лучше сказать—хулы!—но излагаю въ духѣ любви и для себя, и для братіи, сколько доступно, нѣчто изъ того, что они написали небесно и достойно себя,—имѣя въ виду словами ихъ освятить умъ и подъ руководствомъ ихъ, признавая себя ихъ чадомъ и рабомъ, достигнуть свѣта божественнѣйшаго вѣдѣнія. И это ихъ заповѣдь и повелѣніе. И такъ какъ молитвами ихъ мы удостоились одной съ ними благодати; то и необходимо намъ изслѣдовать и позаботиться узнать тѣ божественныя (тайинства), которыя мы совершаемъ, чтобы возвестись, по подражанію имъ, къ высшему вѣдѣнію, потому что для этого-то и они изъясняли божественныя (священнодѣйствія).

Итакъ, что касается священной литургіи, которую святой Діонисій называетъ Евхаристіею и Причащеніемъ, то мы, держась руководства сего мужа апостольскаго и другихъ, подобныхъ ему, говоримъ объ ней, сколько можемъ, и въ другихъ мѣстахъ, также, какъ и о храмъ Божіемъ, о священныхъ одеждахъ и о священномъ таинноводствѣ. А теперь, имѣя въ виду то, что тамъ говорено, дадимъ, какія можемъ, объясненія на это вкратцѣ, ради послѣдовательности рѣчи и чтобы не нарушить порядка таинствъ. Итакъ, причащеніе есть соединеніе Бога съ нами, обоженіе наше, освященіе, исполненіе благодати, просвѣщеніе, отраженіе всего противнаго, подаеніе всякаго блага и—что еще?—тѣснѣйшее единеніе и общеніе съ Богомъ. Оно—таинство таинствъ, освященіе святыхъ и, поистинѣ, святое святыхъ, священнодѣйствіе, высшее всѣхъ священнодѣйствій, священноначальственное и священносовершительное. Ибо единый священноначальникъ—(Богъ) Слово совершилъ его и предалъ, и сія жертва есть Онъ самъ, преподавшій ее намъ, чтобы пребывать съ нами. Коснувшись того, что относится къ сему величайшему таинству, божественный Діонисій кратко излагаетъ все въ возвышеннѣйшихъ словахъ и созерцаніяхъ, и предлагаетъ яснѣйшія толкованія, что дѣлаетъ и въ отношеніи къ прочимъ таинствамъ. А намъ немощнымъ и послѣднимъ изъ учениковъ его—какъ простирать взоръ къ тому (что онъ созерцалъ)? Сколько, однакожъ, въ состояніи будемъ уразумѣть въ про-

свѣщеніе душъ нашихъ то, что (написано) имъ и прочими преемниками его благодати и нашими божественными Отцами, по мѣрѣ силъ, скажемъ, уступая вашей просьбѣ. Попробуемъ поговорить обо всемъ, что совершается въ предложеніи и на жертвенникѣ, стараясь, по мѣрѣ силъ, открыть, какой смыслъ имѣетъ каждое (священное дѣйствіе). Начинаемъ говорить во имя Христово.

47. Что знаменуетъ низшествіе святителя съ кафедры и священныя одежды и облаченіе въ нихъ?

Иерархъ сходитъ съ кафедры своей,—что знаменуетъ низшествіе Бога,—и, совершивъ троекратное поклоненіе Богу, испрашиваетъ благодати и силы на совершеніе божественной (службы), — чѣмъ выражаетъ, что онъ — служитель Божій и Его силою служить тайнамъ Его. Потомъ облачается въ священныя одежды, и именно — въ семь одеждъ, по числу семи дѣйствій Духа. А именно: стихарь (подризникъ), епитрахиль, поясъ, поручи, епитонатій, фелонь, или саккосъ, или полуставрій, и, наконецъ, омофоръ. Всѣ вмѣстѣ, онѣ знаменуютъ вочеловѣченіе Христово и все, что къ (тайнѣ) вочеловѣченія относится; въ отдѣльности же каждая имѣетъ свое особое значеніе. Стихарь, обыкновенно бѣлый, знаменуетъ свѣтъ и чистоту Божию, и то, что (Господь) создалъ и принялъ на Себя природу нашу чистою. Если же онъ пурпуровый, то указываетъ на страданія, на то, что вочеловѣ-